

Татьяна Тарасенко, Василиса Тарасенко
г. Красноярск, Российская Федерация

**Семантика повседневности в аспекте перевода
(на примере перевода романа М.А. Булгакова
«Мастер и Маргарита» на японский язык)**

Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» как выдающееся художественное произведение русской литературы XX века неоднократно становилось объектом перевода и переводческой аттракции. Будучи опубликованным в 1966-67 годах, уже в 1967 году роман выходит в свет в переводах в различных странах мира. В настоящее время известно семь переводов романа на английский язык, выполненных в США и Великобритании; восемь китайских переводов; роман переведен на немецкий, французский, испанский, польский и украинский языки.

В Японии роман «Мастер и Маргарита» впервые был переведен с итальянского в 1969 году Юко Ясуи и увидел свет под названием «Дьявол и Маргарита». В 1977 году появляется перевод Т. Мидзуно. В 2000 году третий перевод романа М.А. Булгакова был выполнен Аяко Хоки и вышел в двух томах [2].

Существование иноязычного перевода художественного произведения обуславливает вопрос о качестве данного перевода. Проблема качества перевода, с точки зрения лингвистической теории перевода, может быть переформулирована как проблема переводческого тождества. Исследование соотношения оригинала и перевода художественного текста предполагает экспликацию переводческих связей, ответственных за передачу исследуемых художественных образов. Значимой проблемой в данном контексте представляется асимметрия языковой формы художественного текста.

Многочисленные обращения к вопросу статуса категории изоморфизма и её конституирующих категорий и свойств в лингвистике и переводе свидетельствует об отсутствии единой лингвистической и переводческой концепции изоморфизма [5]. Несомненным является рассмотрение переводческого изоморфизма как отношения структурного тождества между текстом оригинала и текстом перевода, фиксируемое на определённом языковом уровне с помощью неких языковых средств. Изучение соотношения фрагментов оригинала и перевода показывает, что семантическая ситуация и репрезентирующие её предикаты и актанты в принципе изоморфны. Одновременно с этим присутствует асимметрия при переводе, детерминированная, с одной стороны, актуализированными связями в самом тексте, когда в переводе на уровне лексем появляются добавления или опущения семантических компонентов оригинала, а с другой – различиями культур, участвующих в процессе перевода.

Рассмотрим указанные теоретические и практические вопросы подробнее. При переводе художественного текста переводчик должен избегать стереотипных представлений о нации, чья культура является предметом его анализа; быть объективным и непредвзятым интерпретатором незнакомых ему реалий другой этнокультуры. Как показывают исследования переводов русской и советской литературы на английский и китайский языки, «живучие» стереотипы, глубоко укоренившиеся в сознании переводчика, могут приводить к поверхностному истолкованию заложенной в тексте оригинальной мысли и искажать её при переводе» [3; 1:201; 6].

Группа глаголов ситуации винопития с общим значением *выпить* в романе М.А. Булгакова представлена следующими глаголами, которые близки в основном значении, но различаются семантическими и стилистическими оттенками.

Глагол *выпить* как показатель определенного этапа СВ имеет в своем значении компонент *быстро*; *выпить до дна* – *выпить быстро и без остатка в питейной посуде*; *выпить залпом* – *выпить быстро, сразу, без передышки*; *осушить* – *выпить содержимое чего-нибудь до дна* (разг.); *осушить залпом* – *выпить содержимое чего-нибудь до дна* (разг.); *сразу, без передышки*; *тяпнуть* (прост.) – *выпить спиртного*; *выпить очень проворно* – *выпить быстро и ловко, играючи*.

Японская переводчица Мидзуно Тадао выбирает при переводе один глагол 飲みほし, который обозначает «пить крепкие алкогольные напитки залпом», вследствие чего авторские нюансы потеряны.

Например, в романе М.А. Булгакова читаем: *Маргарита покорно выпила, думая, что тут же ей и будет конец от спирта*; у переводчика - *Думая, что, выпив это, она точно умрет, Маргарита покорно выпила все до капли*. Или *Сидели мирно, совершенно тихо, закусывали...* в переводе стало *Мирно, тихо сидели, ели...*

В результате сопоставления оригинала и перевода становится понятно, что в переведенном на японский язык фрагменте потеряны определенный смысл: глагол *закусить* в данном случае является показателем ситуации винопития, т.е. участники ситуации общались и выпивали одновременно, в переводе этот смысл утерян, т.к. глагол *закусить* заменен на семантически опустошенный глагол *есть*.

Объяснением этого могут служить несколько факторов. Во-первых, это японская традиция винопития, в которой не принято закусывать вообще, т.к. она предполагает более слабые алкогольные напитки (16 градусов). Во-вторых, это слово *закуска*, заимствованное из французского языка hors d'oeuvre («небольшое количество еды подается в холодном виде перед основным блюдом») и не имеющее в японском языке такого значения, как в русском: «еда, которой закусывают выпитое вино» [4: 251], поэтому в японском языке отсутствует глагол *закусить* в узком значении *заесть выпитое вино*, в широком – *выпивать*. По этой же причине в японском переводе *закуска* «потеряла» изысканность и аристократизм.

Анализ переводов текстовых фрагментов, в которых представлены внутриприподитивные смыслы, а именно объекты винопития, актанты, репрезентирующие питейную посуду и ее объем, а также закуску, показал, что они в целом передаются изоморфно.

Сложными для переводчика оказалось перевести на японский язык слово *спирт*. Для передачи лексемы *спирт* в переводе появляется английская лексема アルコール *alcohol (arukouru)*, показывающая неяпонское происхождение напитка (традиционно крепость японских напитков, как мы уже отмечали, не превышает 15 градусов), кроме нее есть и японская лексема 混じりけのないアルコール «неочищенный алкоголь». Булгаковское ....он совершенно перестал пить портвейн и пьет только водку, настоянную на смородиновых почках, отчего сильно поздоровел переведено как: Портвейн пить вообще перестал, а если и пьет, то только водку, настоянную на смородине, отчего говорят, поправил здоровье. В японском языке нет слова «смородина», поэтому переводчик, не уточняя его денотативный смысл, тем более не рассуждая о русской традиции настаивать крепкие напитки на ягодах, почках и корнях растений, использует обедняющее смысл оригинала словосочетание «настоянная на смородине».

Для передачи количества выпитого используется лексема 杯 (*hai*) со значением «рюмка, чарка». Нужно заметить, что ее основное значение «емкость для напитка», а дополнительное значение она получает в контексте: например, *hai* + кофе = чашка кофе, *hai* + водка = рюмка/стопка водки, *hai* + вино = бокал вина. Однако наряду с иероглифом *hai* переводчик использует и английское *glass* - в качестве синонима иероглифа *hai*. В переводе трудно определить, где автор соблюдает симметрию при переводе, а где нарушает ее, так как выбор питейной посуды не всегда понятен. Булгаковский лафитный стакан (стопка на ножке для водки удлиненной формы, объем – 125 г.) передается как бокал для вина - グラス, тем самым меняется не только количество напитка, но и сам напиток.

Итак, при переводе художественного текста с русского языка на японский высказываний, в которых описывается ситуация винопития, наблюдается явная асимметрия. Часто нейтрализуются стилистические и семантические особенности глаголов и номинативов винопития. Причина кроется, на наш взгляд, в семантике японского глагола, значение которого меньше по объему, чем у русского глагола *выпить* и его синонимов; кроме этого в семантике японского глагола есть сема *до дна, до капли*, которой нет у русского глагола. Способ выпивания (*проглотить, осушить, тяпнуть*) не передается в японском языке. Наблюдается асимметрия и при передаче питейной посуды: по нашему мнению, выбор номинаций питейной посуды ничем не мотивирован, переводчик достаточно вольно заменяет один вид посуды на другой, следствием чего нарушается симметрия в переводе объема выпитого алкоголя.

Таким образом, можно утверждать, что представления о русском национальном характере, а в частности, о таком качестве русского человека, как любовь к крепким алкогольным напиткам и их неумеренное потребление, является стереотипным, в том числе и для переводчика. Существование стереотипов приводит к поверхностному истолкованию художественного текста и искажению его в переводе, тем самым формируя и закрепляя стереотип у читателя переводного текста.

Литература

1. Кирсанова Е.М. К вопросу о влиянии стереотипов на процесс перевода.// La traduction: philosophie, linguistique et didactique. – Université Charles-de-Gaulle – Lille 3, Lille, 2009. – P. 197-201.
2. Омори М. Восприятие М.А. Булгакова в Японии // Новый филологический вестник. 2006. №2. – С.188-194.
3. Разумовская В.А. Юмористический дискурс как переводческая проблема (на материале переводов романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев») / В.А. Разумовская, Цзан Годун // Вестник ИГЛУ, № 4, Иркутск, 2009. – С. 87- 93.
4. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. / РАН Ин-тут рус.яз Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 2000. – Т.2. – 670 с.
5. Соколовский Я.В. Соотношение оригинала и перевода художественного текста: изоморфно-когнитивный подход: автореф. дис. ... канд. филол. – Иркутск, 2009. – 22 с.
6. Тарасенко Т.В. Стереотипы и процесс перевода / Т.В. Тарасенко, Ян Минбо.// Наука о переводе сегодня. Перевод и смысл.– М, 2009. – С.190.